

Полина лежала на широкой кровати среди мягких, пахнущих свежестью подушек. Домой к себе из больницы её забрал сын сразу после разговора с врачом. «Силы покидают её, но мы ничего не можем сделать, – мягко говорил доктор сыну в коридоре. Дверь палаты была неплотно прикрыта, и Полина слышала разговор. – Против старости нет лекарств. Мне жаль». У Полины ничего не болело – просто не было желания ни двигаться, ни разговаривать. Оставалось только спать, а проснувшись, думать. Так и лежала она, положив руки поверх одеяла и предаваясь раздумьям. Вспоминать всю свою жизнь не хотелось, да и делала она это уже не раз, часто преследуемая в своих воспоминаниях мыслью: «Надо было по-другому поступить, тогда бы...» «И чего старое ворошить, – рассудила она, – ничего не изменишь». А вот детство

вспоминалось охотно и легко: даже то, что казалось давно забытым, вдруг всплывало в памяти без всякого напряжения.

Круглосуточный детский сад был для Полины домом до тех пор, пока не пришло время идти в школу. На воскресенье мать забирала её к себе, поэтому каждый вечер субботы был маленьким праздником, хотя выходной день дома большого разнообразия не предполагал. Мать считала, что игрушек – «каких у меня никогда не было!» – достаточно для развлечения и для того, чтобы не мешаться под ногами. Полинка скучала. Клоун в синем костюме с размалёванным лицом не казался ей смешным, как утверждали взрослые, – она никогда не видела его выступления и не понимала слова «цирк». В детском саду были другие игрушки, но с ними не всегда разрешали играть. Приходила заведующая и строго говорила воспитательницам: «Придёт комиссия, а нам показать нечего! Всё потрёпанное». И красивые новые игрушки стояли недосыгаемо на шкафу. Полинке особенно нравилась одна большая кукла в белом лёгком, как облако, платье – на неё она могла смотреть долго, не отрываясь, до тех пор, пока её кто-нибудь не окликнул. Любимой воспитательницей была Мария Васильевна: она, когда расчёсывала ей волосы, обнимала, приговаривая: «Бедненькая». Полинка не понимала, почему, но ласкалась охотно, прижимаясь доверчиво к коленкам Марии Васильевны. А та приносила в ночную смену сахар-рафинад из дома и давала воспитаннице один кусочек перед сном. «Будешь сладкие сны видеть», – приговаривала она, глядя её по головке. В такие минуты Полина слышала музыку. Тихая нежная мелодия звучала у неё внутри: она разливалась теплом в худенькой грудке и манила куда-то далеко, туда, где солнечно и красиво, где никогда не бывает скучно. Полинке очень хотелось туда попасть, но одна она побаивалась и однажды сказала подружке: «А пойдём вместе

за мелодией! Там хорошо!» И очень удивилась: оказалось, подружка не слышала ничего, да и никто из детей в группе не слышал ничего подобного. Следующей субботы Полина еле дождалась и сразу же выложила маме: «Никто не слышит, я всех спросила», – горячо и торопливо рассказывала она. «Что ещё за мелодия?! – усмехнулась мать. – Полька, что ли?! – разговаривать с дочерью насмешливым тоном было её привычкой. – Прекрати говорить глупости. И не думай, что ты лучше других».

Полина приподнялась на локтях и облокотилась на подушки – тело затекло и требовало другого положения. «Она всегда надо мной насмеялась, – вздохнула она. – Наверное, так и не смогла простить отца, который бросил её, беременную». Полина мать не осуждала, наоборот, повзрослев, жалела – та прожила всю жизнь в одиночестве, так и не выйдя замуж.

В комнату зашла старшая внучка, поставила бутылку воды на столик рядом с кроватью и поправила цветы в вазе: «Ба Поль, тебе что-нибудь нужно? – Полина покачала головой. – Папа сразу после работы зайдёт, он звонил, спрашивал». Полина понимающе похлопала глазами. Внучка, прихватив посуду, оставшуюся с обеда, выпорхнула из комнаты, словно птичка.

«Что ж, детей своих я воспитала хорошо: умные, не ленивые, заботливые, – размышляла Полина. – И своих детей они воспитывают правильно. Всё хорошо. А что другое не сложилось... Так что теперь...», – вздохнула она и вернулась к детским воспоминаниям.

Однажды подслушав рассказ одной девочки на детской площадке о том, как было весело и интересно в большом соседнем городе, куда возили её родители на выходных, Полина, придя в понедельник в группу, с восторгом рассказывала

всем, какой был замечательный зоопарк и парк развлечений – они с мамой были целый день в столице. Ей так хотелось быть к этому причастной, что, рассказывая, она, увлекаясь, придумывала всё новые и новые детали.

«Кто научил тебя врать?! – кричала мать, когда очередной раз пришла забирать Полину: воспитательницы похвалили её за то, что она развивает своего ребенка. – Вся в отца!» Растерянно смотрела Полинка на взрослых, отчитывающих её за неслыханный поступок, она их не слышала – мелодия снова появилась в ней и звучала успокаивающе и ласково, заглушая крики.

Мать так никогда и не поняла разницы между «враньём» и фантазиями. После этого случая Полина больше никому не рассказывала о мелодии. Это был её секрет. Со временем, став постарше, она вдруг поняла, что мелодию можно было позвать, тогда она иногда исполняла желания. Нужно было в этот момент только ни о чём не думать: забыть про окружающих и, вслушиваясь в звуки мелодии, позволить ей растекаться по всему телу. Когда она однажды попробовала это сделать, воспитательница вдруг ни с того ни с сего дала ей поиграть заветную куклу. А через некоторое время всю группу повели в передвижной цирк, который гастролировал в городе, а потом и в зоопарк.

Но мелодия могла появляться и сама, совершенно неожиданно. Как-то в один из дней в детский сад пришла новая медсестра. И почему-то детям каждую неделю стали делать прививки. Зайдя в группу, медсестра выбирала несколько человек и уводила в свой кабинет. Полина и так не любила иголки, а участвовавшие прививки вызывали в ней панику. Да и не только в ней. Дети орали от боли на весь жилой квартал округи. «Под лопатку больней», – хныкал мальчишка, чья кровать стояла рядом с Полининой. На следующий раз Полинка,

стоя в ряду, ожидая своей «прививки», услышала внутри себя спокойную мелодию и решила не плакать, когда подойдёт к жуткому столику со шприцами. Медсестра посмотрела на неё и вдруг сказала: «Сегодня укол отменяется», – и отправила в группу. Больше прививок Полинке в детском саду не делали. Спустя много лет, когда Полина уже была взрослой женщиной и сама имела детей, она однажды прочитала скандальную статью в местной газете о безжалостной медсестре, которая делала уколы водой или совсем пустыми шприцами детям в больнице: ей нравилось смотреть, как те страдают. Колола мучительница только подкожно и внутримышечно, понимая, что подобный внутривенный укол будет смертелен.

Полина сразу же вспомнила детский сад. Женщину уволили, но диплома медсестры почему-то не лишили.

«Вот ведь как, мелодия меня, выходит, тогда спасла», – подумала Полина, опять меняя положение на кровати.

С семи лет, когда пришлось идти в школу, начались их с матерью скитания по квартирам. От клейма «безотцовщина» пришлось отбиваться кулаками: как в школе, так и во дворе. Иногда было и голодно. Но мать старалась, как только могла. А по окончании школы дала денег, чтобы Полинка поехала поступать, куда захочет.

Когда перестала появляться мелодия, Полина не помнила. Учёба, любовь, работа, дети – закружило так, что дни и годы пролетали, словно вагоны скорого поезда, когда наблюдаешь их, стоя рядом с рельсами.

Дверь открылась, и в комнату вошёл младший внук. Подойдя к кровати, он вскарабкался на неё, сел рядом с Полиной. «Ба Польш, – сказал он серьёзно, как маленький мужичок, – можно, я у тебя что-то спрошу? – Полина улыбнулась, кивнув. – А ты не будешь смеяться? – Полина покачала головой. – Все смеются, я рассказывал и папе, и сестре. Никто не хочет

верить, все думают, что я придумываю. А мама сказала, что я фантазёр», – он поболтал ножками. Полине очень хотелось обнять малыша, прижать к себе, но сил хватило только на то, чтобы дотянуться до его ручонки и взять её в свою ладонь. «Ба Поль, знаешь, у меня есть музыка! Она играет у меня здесь», – внук показал ладошкой на свою грудь. Полина кивнула и улыбнулась, сжав пальчики внука. А тот подвинулся к бабушке поближе и, наклонившись, сказал: «Вот! Послушай!» И тут Полина услышала мелодию. Такую же нежную и светлую, как тогда в далёком детстве. Ей захотелось сказать внуку: «Береги её, не упусти!», но сил не было. Да и кому нужны советы старой бабушки?! Нравоучений никто не любит, да их никогда и не выполняют. Сама была ребёнком – знала. Глядя на внука, Полина подмигнула ему весело, сжала ещё раз ободряюще его ладошку и отпустила. «Ты самая лучшая, Ба Поль!» – радостно бросил внук и, спрыгнув с кровати, выбежал из комнаты.

Обворожительные нежные звуки постепенно наполняли всё вокруг.

«Она вернулась! – подумала Полина. – Жаль, не сберегла её тогда, не забрала с собой во взрослую жизнь. Много было бы по-другому. Но теперь-то я её не потеряю, нужно только отключить сознание, забыть про всё, почувствовать то состояние!» И Полина искренне, как в детстве, доверилась чудным ласковым звукам. Знакомая мелодия успокаивала, обнадёживала, звала.

Мягкий тёплый свет, появившийся сверху, стал расширяться в пространстве, соединяясь со звуками музыки. Чувство безмерной радости разлилось теплом по всему телу лежащей на постели женщины. Полина счастливо улыбнулась и закрыла глаза.